

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/92/5

Замечания о главном герое русской классической литературы 1825–1925 годов

Антон Репонь ¹, Игорь Цинтула ²

^{1,2} Университет им. Матея Бела
Банска Быстрица, Словацкая Республика

¹ Anton.Repon@umb.sk, <https://orcid.org/0000-0002-6749-7766>

² igor.rudolfovici@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6740-9669>

Аннотация

Исследуются основные типы главного литературного героя в произведениях русской классической литературы (1825–1925 гг.), включая фундаментальные аспекты, которые стали ключевыми на пути их развития во времени. Авторы представляют в критическом ключе модели «лишнего» и «маленького» человека и последующее развитие главного героя вплоть до изменения его модели в первой четверти XX в. Таким образом, в статье предложено научное обсуждение определенного периода в развитии главного героя русской литературы и выдвинуты некоторые авторские тезисы-коррективы. Исследованную авторами проблематику литературных типажей в русской литературе можно рассматривать и как попытку предложить более точные заключения с позиции зарубежных литературоведов.

Ключевые слова

русская литература XIX века, маленький человек, лишний человек, главный герой, И. С. Тургенев

Для цитирования

Репонь А., Цинтула И. Замечания о главном герое русской классической литературы 1825–1925 годов // Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 78–91. DOI 10.17223/18137083/92/5

Remarks on the protagonist in Russian classical literature between 1825 and 1925

Anton Repon ¹, Igor Cintula ²

^{1,2} Matej Bel University
Banska Bystrica, Slovak Republic

¹ Anton.Repon@umb.sk, <https://orcid.org/0000-0002-6749-7766>

² igor.rudolfovici@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6740-9669>

Abstract

This paper examines the main types of literary protagonists in Russian classical literature (1825–1925), focusing on key aspects that shaped their evolution over time. Through a com-

© Репонь А., Цинтула И., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 3. С. 78–91

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 3, pp. 78–91

parative-historical and typological analysis, different types of the central literary hero are investigated. The analysis draws on materials from the personal libraries of the authors, excluding electronic sources, as well as books from the Alexander Solzhenitsyn Library collection at the Department of Slavic Languages, Faculty of Philosophy, Matej Bel University. A critical analysis of the models of the “useless person” and the “little man” traces the development of the protagonist up to its transformation in the early 20th century, with examples taken from the works of Ivan Turgenev and Ivan Shmelev. The article offers a scholarly discussion of this specific period in the evolution of the Russian literary hero and proposes several original theses and revisions. By investigating these literary archetypes, the study also aims to refine existing conclusions from the perspective of foreign literary scholars, potentially broadening and deepening the discourse while introducing new viewpoints. Ultimately, the study seeks to stimulate further debate on defining the central protagonist in Russian literature between 1825 and 1925.

Keywords

Russian literature of the 19th century, little man, useless person, the main character, Ivan Turgenev

For citation

Репой А., Cintula I. Remarks on the protagonist in Russian classical literature between 1825 and 1925. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 3, pp. 78–91. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/92/5

«Карамзиным началась новая эпоха русской литературы» [Белинский, 1984, с. 6], – именно так утверждал выдающийся русский писатель и литературный критик В. Г. Белинский в реакции на сентиментальную повесть Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» (1792). Данное художественное произведение стало ярким примером сентиментализма в русской классической литературе конца XVIII – первых десятилетий XIX в., в котором писатель впервые приступил к описанию ранее неизвестного читателю литературного персонажа. Как утверждает В. Н. Топоров, «Бедная Лиза» стала своеобразным началом «для всей русской прозы Нового времени, неким прецедентом, отныне предполагающим <...> творческое возвращение к нему, обеспечивающее продолжение традиции через открытие новых художественных пространств» [Топоров, 1995, с. 7]. Успех карамзинской «Бедной Лизы» лишь способствовал тому, что с 30-х гг. XIX в. стал заметен постепенный отход писателей от индивидуализации личности, так сказать, «героического героя», характерного для романтизма, к другому типу литературного произведения – «маленькому человеку», который по сей день считается приобретением мировой сокровищницы словесного искусства. Безусловно, появление «маленького человека» в качестве главного героя произведения ознаменовало для русской литературы начало нового этапа ее развития, который, как зеркало эпохи, отражал настроения общества и одновременно отвечал на запрос читателей того времени. Можно заметить, что новый для читателя типаж главного персонажа соответствовал линии натуральной школы XIX в., сознательно вводившей в сюжет повествования героев именно из низких слоев русского общества.

На последующем этапе развития литературы модель «маленького человека» достигла своего апогея в творчестве мастера русской словесности Н. В. Гоголя. «Маленький человек» как образ литературного героя был заявлен в русской классической литературе XIX в. уже в повести «Станционный смотритель» (1831) А. С. Пушкина. Наверное, впервые определение «маленький человек» официально ввел в употребление В. Г. Белинский в статье «Горе от ума» (1840) при анализе образа главного героя гоголевского «Ревизора»: «Сделайся наш городничий гене-

ралом – и, когда он живет в уездном городе, горе маленькому человеку, если он, считающий себя “не имеющим чести быть знакомым с г. генералом”, не поклонится ему или на балу не уступит место, хотя бы этот маленький человек готовился быть великим человеком!.., тогда из комедии могла бы выйти трагедия для “маленького человека”» [Белинский, 1979, с. 226]. Впоследствии термин «маленький человек» в критике употреблялся многократно для определения главного персонажа литературного произведения. По мнению Й. Догнала, его можно характеризовать как «человека скорее бесправного, часто беспомощного, пережившего тяжелые испытания, но, тем не менее, терпеливого» [Догнал, 2008, с. 64]. Такой герой, как правило, родом из бедного сословия, занимающий низкую ступень в социальной иерархии, но, возможно, именно поэтому богатый по своему внутреннему миру, чистоте души и характера. Несмотря на тот факт, что «маленький человек» часто остается пассивным, как читатель, так и автор ему симпатизируют, а также сочувствуют. Четкую характеристику представил П. Вайль, говоря, что такой протагонист «из великой русской литературы настолько мал, что дальнейшему уменьшению не подлежит. Изменения могли идти только в сторону увеличения. Этим и занялись западные последователи нашей классической традиции. Из нашего Маленького человека вышли разросшиеся до глобальных размеров герои Кафки, Беккета, Камю. Советская культура сбросила башмачкинскую шинель – на плечи живого “маленького человека”, который никуда, конечно, не делся, просто убрался с идеологической поверхности, умер в литературе» [Вайль, 1992, с. 228].

Можно сказать, что уже Гоголь показал детально продуманную модель нового типажа литературного героя в так называемых «петербургских повестях» (определение критиков, но не самого Гоголя), в которых он открыл читателю не только мир «маленьких людей», но также и всю красоту их внутреннего микрокосма. В качестве ведущего произведения этого цикла можем рассматривать повесть «Шинель» (1841). Главный герой данного произведения – чиновник Акакий Акакиевич Башмачкин – является образцовым примером типажа маленького человека, характер и качества которого продуманы до мелочей. Ю. В. Манн восклицает: «Какой страшный образ – Акакий Акакиевич! В этом изуродованном, больном существе, оказывается, скрыта могучая внутренняя сила» [Манн, 1996, с. 358]. А. Белый отмечает в таком герое сочетание элементов натурализма и символизма, размышляя, какие в большей степени определяют столь уникальный характер этого гоголевского персонажа: «Что реальней Акакия Акакиевича? Между тем он живет внутри собственной, ему присущей вселенной: не солнечной, а... “шинельной”; “шинель” ему – мировая душа, обнимающая и греющая; ее называет он “подругою жизни”; на середине Невского себя переживает он идущим посередине им на листе бумаги выводимой строки...» [Белый, 1934, с. 45]. Такая неопределенность личности позволяет, с нашей точки зрения, создать образ «маленького человека» как носителя специфических черт, принадлежащего к определенному социальному классу, находящегося в состоянии нервного срыва и вызывающего, казалось бы, только чувства жалости и сострадания. Типаж «маленького человека» именно потому мал, что в иерархической лестнице социума занимает незначительную ступень, в результате чего для остальных он практически не заметен. Отношение к нему окружающей среды непосредственно влияет и на его мышление и психику в целом – он ощущает себя не только маленьким, но и бесполезным, лишним.

Во второй половине XIX в. появляется в русской классической литературе новый типаж – преемник «маленького человека». Благодаря повести И. С. Тургенева «Дневник лишнего человека» (1850) официально вводится в русскую литературу понятие «лишний человек», и можно отметить, что этот специфический литературный персонаж становится типичным для русской литературы XIX в. Данные два типажа главных героев вовсе не идентичны, хотя у них много общих черт. Можно согласиться с определением Я. Гараева: «“Маленький человек” в простодушной форме вступает в диалог с обществом. Что же касается “лишнего человека”, то он все дальше отдален от общества и находит утешение в пристрастии к чему-либо. Внутренний, тайный потенциал, сопряженный с перспективой “пробуждения”, “воскресения”, в нем не обнаруживается. Лишен он также революционной энергии» [Гараев, 1980, с. 161].

Велика была литературная роль темы «лишнего человека». Возникнув как переосмысление романтического героя (байронический герой; в России – романтические образы у поэтов-декабристов, Пушкина и т. д.), тип «лишнего человека» развивался под знаком реалистической типизации, выявления «разности» (Пушкин) между героем и его творцом. «Лишний человек» был и отказом от просветительских, морализаторских установок во имя максимально полного и беспристрастного анализа, отражения диалектики жизни (этим объяснялось неприятие многими романтиками образа «лишнего человека», в частности неприятие декабристами Евгения Онегина). Наконец, важно было в теме и утверждение ценности человека, личности, интерес к «истории души человеческой» (Лермонтов; из предисловия к «Журналу Печорина»), что создавало почву для плодотворного психологического анализа и подготавливало будущие завоевания русского реализма.

Л. Н. Синякова утверждает, что в хронологическом отношении необходимо ориентироваться на конкретный период, а именно на 1840-е гг. По ее словам, «лишний человек» неразрывно связан с этим периодом. Синякова также различает понятия «мужчина сороковых годов» и «лишний человек». По ее мнению, эти два термина практически тождественны по своей сути, но «человек сороковых годов» есть понятие скорее историко-культурное и общественно-историческое, а термин «лишний человек» традиционен для истории литературы» [Синякова, 2007, с. 82].

К основным чертам «лишнего человека» относят отчужденность от официальной жизни николаевской России, уход от родной социальной среды (почти всегда дворянской), осознание своих значительных способностей, интеллектуального и нравственного превосходства над другими представителями своего класса. Этот специфический тип литературного персонажа – человека, который, несмотря на свои способности, не находит своего места и применения в обществе, – а также его частое появление и связь с русской литературой, вероятно, побудили многих литературоведов заклеить его как «специфический тип персонажа в русской литературе» или «национальный архетип» [Ханцес, 2001, с. 111–112]. Если мы посмотрим на «лишнего человека» в творчестве И. С. Тургенева, то обнаружим целую плеяду персонажей, таких как: Стено, Горский, Гамлет Щигоровского уезда, Астахов, Яков, Пасынков, Алексей Петрович, Санин, но прежде всего это герои романов – Рудин, Лаврецкий, Михалевич, Берсеньев, Шубин, Литвинов, Нежданов и др. Что объединяет этих персонажей, по мнению критиков, так это часто интерпретируемый вопрос об их «гамлетовости», но и отражение их собственной, гипертрофированной самости, интеллектуальной зрелости, но также сомнения, слабости и непрактичности. Однако мы не считаем

правильным или достаточным довольствоваться только таким обобщающим утверждением. Этот вопрос заслуживает более подробного рассмотрения.

В этом контексте необходимо вспомнить тургеневское исследование «Гамлет и Дон Кихот» (1860), которое по праву вошло в мировую шекспировскую и сервантесианскую профессиональную литературу, хотя Тургенев и не был литературоведом обычного академического стиля. Известно, что этот этюд Тургенев писал параллельно с романом «Накануне» (1860). Существует прямая идейная связь между этим романом и следующим его наиболее известным произведением «Отцы и дети» (1862) и упомянутым спором о Гамлете и Дон Кихоте. Этюд Тургенева считается своего рода теоретическим обобщением его художественных образов. В вышеупомянутых романах Тургенев несоизмеримо обширнее и художественно эффектнее представил конкретных русских Гамлетов и Кихотов, чем в других своих произведениях, в известный, весьма значительный, переломный период русской жизни, когда разношерстные и плебейские Кихоты, энтузиасты действия стали выходить на историческую сцену и бороться с высокородными, праздными гамлетовскими скептиками и мечтателями.

Известно, что эти гамлето-донкихотские романы Тургенева вызывали всеобщее неудовольствие и возмущение. Официальные круги возмущались тем, что автор даже позволял себе изображать характеры русских революционеров, энтузиастов-донкихотов, нигилистически отвергающих современные общественные условия; революционные демократы дистанцировались от Тургенева потому, что, по их мнению, он неправильно понимал и искажал революционные характеры, что он грешил против объективных тенденций исторического развития и трактовал своих героев по существу трагично, что к их проницательным и деятельным «донкихотским» чертам добавлял скептические черты Гамлета.

Возникает закономерный вопрос: что на самом деле представляет собой Дон Кихот для Тургенева? На наш взгляд, прежде всего веру; веру во что-то вечное, непоколебимое, в истину, которая находится за пределами индивидуальности, которая не легко приобретается, но требует служения и жертв. Этот персонаж проникнут преданностью идеалу, ради которого он готов претерпеть различные лишения, даже пожертвовать своей жизнью. Жить только личными амбициями, заботиться только о себе – это считалось бы для Дон Кихота постыдным. В нем нет и намека на эгоизм, он – воплощение самопожертвования. Он очень мало знает о мире, поэтому его усилия сосредоточены на одной цели: служить своей миссии – он знает, зачем живет, и это знание для него самое важное. Одним он может показаться сумасшедшим, другим – энтузиастом, слугой идеи, и именно поэтому, по Тургеневу, он увенчан ее ореолом. Хотя Дон Кихот чтит существующие общественные порядки, религиозные законы, монархов, герцогов, он не позволяет им ограничивать свою внутреннюю свободу и независимость и в то же время уважает свободу других. Идея доминирует и в его эмоциональной жизни. Дон Кихот любит платонически, рыцарски, чисто и бескорыстно; в его чувствах нет и доли чувственности, все его желания целомудренны и чисты.

Напротив, Гамлет в тургеневской интерпретации живет для себя, он эгоист; но он даже не верит в себя. Однако он ценит себя, свое «я», в которое не верит. Это исходная точка, к которой он постоянно возвращается, потому что не находит в окружающем мире ничего, чему он мог бы отдаться всей душой. Гамлет во всем сомневается, не жалея даже себя; он слишком разумен, чтобы довольствоваться тем, что находит в себе; он осознает свои слабости. Постоянно наблюдая за собой, вечно вглядываясь в свое внутреннее я, он хорошо знает все

свои недостатки, презирает их и презирает самого себя. Он не верит в себя – и он честолюбив; он не знает, чего хочет и зачем живет, – и он привязан к жизни, к гнилому и унылому миру, который он презирает. Внутренняя разорванность и постоянный самоанализ мешают ему познать высшие чувства и посвятить себя им. Поэтому он даже не способен на искреннюю любовь. Итак, с одной стороны стоят мыслящие Гамлеты, умственно зрелые и часто разносторонние, но столь же часто бесполезные и обреченные на бездействие; с другой – безумные Кихоты, полные активности и решимости мобилизовать окружающий мир для реализации часто иллюзорных идеалов и идей. Так мир тургеневских персонажей распадается на две большие группы. Этот дуализм отразился и в сюжетно-композиционном строе тургеневских романов, в расслоении его персонажей. Действительно, Тургенев воспринимает дуализм как главный закон человеческого бытия: «вся эта жизнь есть не что иное, как вечное примирение и вечная борьба этих двух постоянно разделяемых и постоянно сливающихся начал» [Тургенев, 1977, с. 766].

Поэтому Тургенев относился к своим «революционным детям» так же сдержанно, как и к их «реакционным отцам»; он оценивал новый, зарождающийся мир деятельности и действия так же трезво и критически, как умирающий мир помещиков. В упомянутом исследовании Тургенев дал глубокий анализ Гамлета как воплощения вечного сомнения, отрицания и скептицизма и Дон Кихота как представителя непрестанной творческой активности. Хотя Тургенев и относится к Дон Кихоту более сочувственно, чем к Гамлету, что было бесспорно прогрессивной чертой в насыщенных гамлетами российских условиях, он не поддается ей вполне и предполагает, что его идеал есть синтез пронизательного ума Гамлета с неутомимой деятельностью Дон Кихота. Тургенев, вероятно, имел в виду эту концепцию, когда писал свои гамлетовско-донкихотские романы. Поэтому он наделил донкихотских Инсаровых и Базаровых гамлетовскими чертами трагизма и скептицизма, столь характерными и для «лишнего человека». Однако нельзя не констатировать, что анализ типов Гамлета и Дон Кихота в тургеневском этюде – это нечто совсем иное, чем в его романах. Одно – идея, рациональная интерпретационная конструкция, другое – художественная передача жгучей реальности жизни. В этом судьба Тургенева схожа с судьбой других писателей-реалистов: его исторической заслугой остается выявление, установление и изображение русских Гамлета и Дон Кихота как центральной социальной проблемы своего времени, а не решение этой проблемы. Однако роман Тургенева «Отцы и дети» предполагает определенное изменение отношения автора к изображаемой действительности. Тургенев, как известно из его политического профиля, считал отмену крепостного права, произошедшую в момент создания упомянутого романа, исполнением своих общественных идеалов.

Пренебрежительное отношение к образованным и благородным Гамлетам и выделение простого и недвусмысленного Дон Кихота уж точно не соответствовали личным либеральным убеждениям Тургенева, гораздо больше напоминавшего скептического Гамлета, чем восторженного Дон Кихота. Поэтому, возможно, Тургенев в художественном изображении российской реальности проявил сдержанное отношение к донкихотам и постарался обратить внимание на их слабости. Однако, несмотря на критические оговорки, считал «донкихотство», особенно в российской культурной истории, принципиально правильным явлением. Вероятно, именно это побудило писателя в своих рациональных концепциях и публицистических размышлениях более явно дистанцироваться от себя самого, чем в художественных образах.

Тему тургеневского «лишнего человека» в русской литературе в 1970–1980-х гг. разработали известные тургеноведы В. М. Маркович, А. И. Батюто, Г. А. Бялый, Г. Б. Курдяндская, С. Е. Шаталов и др. Заметим, что этот период в истории тургеноведения является его «золотым веком», отличительной чертой которого стало создание оригинальных методологических подходов, способствующих укрупнению и во многом качественному изменению интерпретационной картины романного творчества И. С. Тургенева.

В нашей статье обращаемся к рецепции известного литературоведа В. М. Марковича, основным тезисом которого является положение: «Тургеневский герой-идеолог – не воспитанник соответствующей нравственно-философской культуры, а ее творец. Тип культуры, с которым связан в романе главный герой, не предшествует его личности, воздействуя на нее извне. Не она его формирует, а он ее – отсюда возможность его внутренней свободы по отношению к ней» [Маркович, 1975, с. 96]. Таким образом, впервые в истории отечественного тургеноведения на основании представления о герое как о творце идеологии ученым была разработана подробная классификация не только главных героев писателя, но и второстепенных персонажей. «Персонажи тургеневских романов предстанут перед нами в новом качестве – как сотворенные человеческие личности, существующие и действующие как бы независимо от авторской воли. Их “жизнеподобие” даст нам право характеризовать их в той же системе понятий, в какой характеризуются реальные живые люди» [Там же, с. 70].

С этой позиции в исследовании были определены и предельно точно охарактеризованы три «уровня человечности», составляющие типологическую картину персонажей писателя. Так, по наблюдениям Марковича, практически во всех романах Тургенева есть стабильные группы характеров, которые могут быть иерархически разделены на следующие категории:

- а) архаичные характеры (люди прошлых времен);
- б) характеры более низкого уровня;
- в) характеры более высокого уровня.

Первая категория представляет людей давно минувших времен. Они отличаются от нового поколения величественным покоем и сознанием надлежашего достоинства. Типичными представителями этой категории являются Марфа Тимофеевна Пестова («Рудин»), Арина Васильевна Базарова («Отцы и дети»), Антон – слуга Лаврецкого («Дворянское гнездо»), Тимофеич – бывший слуга Базарова («Отцы и дети»).

Эгоизм объединяет людей второй категории, это персонажи более низкого уровня. Цель их жизни заключается в достижении личного успеха. Но на своем пути они не имеют ни счастья в любви, ни нравственной жизни. Они не в состоянии изменить свой статус в обществе. Типичными представителями этой категории являются Пандалевский и Пигасов («Рудин»), отец Лизы Калитиновой и Варвара Павловна – жена Лаврецкого («Дворянское гнездо»), Паншин и Годеновский («Дворянское гнездо»), Курнатовский и Николай Артемьевич Стахов («Накануне»).

Третья категория – персонажи более высокого уровня – выводит на сцену людей честных, деликатных, смелых. Они не в состоянии творить зло, служить для карьеры или других преимуществ. Они ценят молодых людей, свободу, сохраняют традиции и историю. Они представляют собой «золотой средний путь». Они могут наслаждаться жизнью. Это наилучшая из всех категорий. Типичными представителями этой категории являются Лежнев и Волынцев («Рудин»), Ба-

систов и Михалевич («Рудин»), Берсенев и Шубин («Накануне»), Павел, Николай и Аркадий Кирсановы («Отцы и дети»).

За рамками данной иерархической схемы – главные герои романов Тургенева: Рудин, Лаврецкий («лишние люди»), Базаров («новые люди»), Елена Стахова и Инсаров. В определении, данном ученым типу героя, относящегося к этой категории, содержится прямое указание на его высшее назначение – быть историческим человеком. В понимании Марковича, исторический человек – это «эпохальный человек в самом высоком смысле этого слова. Через него реализуются высшие возможности эпохи, через него входят в мир творческие импульсы прогресса» [Маркович, 1975, с. 91–92].

Проблемой тургеневского «лишнего человека» в словацкой литературе и русистике занимался А. Червеняк. По его мнению, в творчестве И. С. Тургенева есть несколько этапов развития, несколько основных типов «лишнего человека». Первая стадия тургеневских «лишних людей» состоит из так называемых могижан романтизма, воспитанников печоринской школы¹. Тургенев вскрывает их внутреннюю пустоту, их лживость и ненужность. Это полемика и в то же время отрицание романтического типа, получившего широкое распространение не только в русской, но и в европейской литературе. На этом этапе Червеняк включает такие фигуры, как Лучков («Бретор»), Лучинов («Три портрета»), Горский («Где тонко, там и рвется»).

Второй этап составляют фигуры типа Вязовинина, Астахова, Веретьева или Чулкатурина. Если в предыдущем случае это была полемика, то здесь в дело вступает объяснение характера как психологического типа, пока без исторической и социальной обоснованности. Вместо грубости появляются эгоизм, властность и моральная пустота, мягкость, мечтательность и некоторая интеллектуальность. Например, о Веретьеве общество думает, что, «если бы он не погубил себя, черт его знает, что могло бы из него получиться...» Но Тургенев не соглашается: «Эти люди были неправы: из Веретьевых никогда ничего не может получиться» [Тургенев, 1960, с. 110] – они, действительно, более разносторонне развиты, чем их окружающие, но, может быть, именно поэтому – подобно Веретьеву – они очень хорошо осознают свою абсолютную и принципиальную ненужность. Чулкатурин умирает в пору цветущей весны, понимая, что он «никчемный, бесполезный» в жизни. Он размышляет: «Чем глубже я погружаюсь в себя, чем внимательнее оглядываюсь на свою прошлую жизнь, тем больше убеждаюсь в жестокой истине этого выражения. Ненужное – и все» [Там же, с. 141]. Если в первой группе полемика перешла в сатиру, то во второй группе мы находим как бы авторскую грусть о напрасно потерянных жизнях. Тургенев пытается найти причины этой бесплодности.

На третьем этапе Червеняк классифицирует психологический тип бесполезного лишнего человека, который конкретизируется историческим и социальным обоснованием. Гамлет, как исконный тип человеческих качеств, входит в русскую почву и становится «Гамлетом Щигровского уезда». Мы считаем, что эти два рассказа являются ключом к пониманию поэтики тургеневского романа, в том числе и его литературных героев. Но у Гамлета Щигровского уезда и Алексея Петровича общего больше, чем индивидуального; внимание автора скорее сосредоточено на объяснении причин и закономерностей возникновения данного типа, чем на его индивидуализации.

¹ См.: Гершензон М. Мечта и мысль И. С. Тургенева. М., 1919.

Четвертая (последняя) группа представлена лишними людьми, бесполезными как представители определенной психолого-исторической и социальной группы на том или ином этапе духовного и социального развития российского общества. Речь идет о ненужности как о социальной непродуктивности героя. При таком понимании «ненужности» можно «реабилитировать» бесполезных людей – Онегина, Печорина, Бельтова, Рудина, Лаврецкого, Обломова и других, которых Добролюбов в статье «Что такое “обломовщина”?» назвал дураками. Революционный демократ доказал бесполезность помещичьего класса, который накануне революции стал препятствием для общественного прогресса. На основе практики, так называемой «настоящей критики», Добролюбов изображал помещиков с качествами литературных героев, что, конечно, сводило их индивидуальные различия и богатое идейное содержание лишь к социально-политической сущности. Бесполезность «лишних людей» для Добролюбова – категория не идейно-эстетическая, а социально-политическая.

В эту группу развития человека Червенияк включает людей сороковых годов – Рудина и Лаврецкого с их жизненными идеями и целями. Он оценивает Берсенева и Шубина как людей качественных, но накануне революционной ситуации шестидесятых годов они социально и идеологически бесполезны. То же самое он говорит о Литвинове, Нежданове и др. [Червенияк, 1968, с. 52–132]. С трактовкой Червенияка этапов формирования тургеневских «лишних людей» можно согласиться. Отдельные этапы фактически представляют этапы развития авторского понимания сущности бесполезного человека. Неприятие этих различий значило бы в основе своей внеисторическое упрощение и искажение идейно-эстетического наследия Тургенева.

Верим мы в сущность «маленького человека» или нет, важно отметить другое: одной из наиболее заметных черт православного образа мышления, веками складывавшегося у русского народа, является акцент на так называемую соборность – подчинение обществу и его нормам. Эта черта особенно значима и в контексте развития фигуры «лишнего человека». Человек, живя в данном обществе, имеет определенные обязательства по отношению к нему. Это важнее в православном мышлении, чем развитие собственных способностей. Уникальность человека, развитие его индивидуальности и собственного взгляда на мир второстепенны, даже не важны².

Итак, в результате различного рода внешних воздействий, импульсов и в целом естественного развития общества и всех сфер его жизни, включая художественную литературу, к концу XIX в. начал формироваться тип литературного героя, соответствующий новым (все более революционным) требованиям русского общества. В то время уже в полной мере раскрылись глубокие противоречия, возникшие в обществе, что вскоре также проявилось в литературных произведениях писателей того времени – непосредственных свидетелей русской истории. На передний план в их творчестве начали выходить общечеловеческие, философские темы о смысле бытия, о нравственности и духовности. Больше стало появляться религиозных тем. Закономерно изменялся также главный герой литературных произведений. Как утверждает В. В. Виноградов, «структура образа персонажа основана на сложных приемах сказовой или диалогической речевой

² См.: *Митрополит Иерофей*. Православная духовность. Определение понятия «православная духовность». 2019. URL: <https://cyplive.com/news/news-religion/pravoslavnaya-duhovnost-opredelenie.html> (дата обращения 01.01.2023).

характеристики, на разнообразных способах и формах связей и отношений речи этого персонажа со стилем автора и с речами других персонажей, на динамике смысловых превращений и изменений текста и контекста, а также ситуаций действия в литературном произведении» (цит. по: [Ладыгин, 2018, с. 109–110]).

В свете текущих общественно-исторических событий начала XX столетия и атмосферы «Серебряного века» вновь в русской литературе появляется модель «маленького человека». В плане его описания почти ничего не меняется, и метафорический «футляр» сохраняет все характеристики героя с низкой самооценкой, одетого, например, в повседневную одежду. Основные изменения происходят в его микрокосме, в том, как он из своей «нищеты» воспринимает грядущие перемены в стране и свой социальный статус в обществе. Таким образом, «маленький человек» в начале XX в. приобретает другие, новые личностные качества, которые более точно отражают страдания, переживания и изменения в сознании реального человека того времени в соответствии с разнообразием художественных направлений Серебряного века (правда, одно дело «маленький человек» у неореалистов, как, например, Чирикова и др., и совсем иное дело у символистов, например, у Федора Сологуба). Однако в целом можно сказать, что «маленький человек» осознает свое положение в обществе и то, что он тоже может или мог бы стать тем, кто изменит ситуацию. Чаще всего он находится под сильным и непосредственным влиянием определенной идеологии, которая становится для него смыслом жизни, настоящим, с его точки зрения, светом к спасению в смысле обретения своего места в обществе. В качестве примера можно привести повесть «Гражданин Уклекин» (1907) И. С. Шмелева. Писатель хотя и изображает традиционную для русской литературы XIX в. модель «маленького человека» в лице главного героя Уклекина, но он в совершенно иной ситуации и, можно сказать, размышляет и ощущает себя по-другому. По мнению М. Ю. Смирновой, «в русском литературоведении считается, что образ Уклекина принадлежит к тому разряду “беспокойных”, ищущих людей, которых впервые описал Глеб Успенский в образе рабочего Михаила Ивановича, который в полный голос заговорил о правах “маленького человека” на нормальную жизнь (“Разоренье”, 1869)» [Смирнова, 2018, с. 624]. Главным чувством героя становится до этого для него не знакомое чувство собственной значимости, в его собственном понимании себя он уже вовсе не такой «маленький» среди других людей. Свое «новое» положение в обществе полностью раскрывает в диалоге с женой: «Я теперь... Знаешь ты, кто я теперь?... Гражданин!.. Ей-богу!..» [Шмелев, 1960, с. 39]. Новый смысл жизни главного героя, полученный в результате революционного настроя в стране, изменил и его характеристику – теперь он участвует в народных собраниях, активно включается в общественную жизнь, и кажется, что он наконец-то нашел свое место и роль в обществе. Однако судьба Уклекина не имеет счастливого эпилога. Уклекин после раскрытия любовных отношений между его женой и жильцом Семёном вновь постепенно теряет лишь недавно приобретенный смысл жизни, словно «в душу ползла пустота, что делала жизнь без выхода, от которой он и хотел уйти куда-нибудь, где бы ни пути, ни дороги не было, а так... лес» [Там же, с. 96]. Как заметил И. Догнал, «практическая реализация идеологических идеалов и сделанных на их основе идей Уклекина оказалась совсем не такой быстрой, как Уклекин по своей наивности мог себе представить – не были избраны “его” делегаты, а после возвращения делегатов с собрания его жизнь и обеспечение его семьи

были все такими же трудными, а желаемое лучшее будущее не наступило»³ [Догнал, 2008, с. 70]. В эпилоге шмелевского произведения главный герой погибает, тем самым наглядно демонстрируя мнение писателя о том, что даже новые идеологические постулаты не приносят реального улучшения «маленьким людям», которые, более того, подвергаются новому, еще более страшному давлению со стороны окружения, сводящему их с ума. Задачей зарождающейся «новой» русской литературы в ходе Гражданской войны 1917–1922 гг. в России было показать другого и лучшего в сравнении с прежним литературного героя.

Социально-политическая ситуация первой четверти XX в. привела к дальнейшему прогрессу типа главных героев. В русской литературе появляется модель человека-революционера, который по своим личным качествам превосходил всех прочих героев и других персонажей. В произведениях создавалась атмосфера светлого будущего, в отличие от абсурда и трагизма человеческого существования (например, как в пьесе «Жизнь Человека» Л. Н. Андреева). Героя-революционера (Павел Власов) мы находим уже в романе М. Горького «Мать» (1906), но своего апогея этот образ достигает позже, в романах «Разгром» А. А. Фадеева (Левинсон, Морозка), «Как закалялась сталь» Н. А. Островского (Павел Корчагин) и др. В некоторых произведениях такой герой представлен в виде коллективного персонажа, как, например, человеческая масса в романе А. С. Серафимовича «Железный поток». Все эти писатели так или иначе создавали в литературном произведении образ комплексного и целостного литературного героя, отображающего настроение общества того времени. На целостности как типологической черте образа настаивает Н. К. Гей, утверждая, что «разделительную черту в образе нельзя провести нигде, ни один элемент, ни один уровень художественного целого не отъединен от целого, а переходит во все другие. Образ – целостен, в этом условии целостности произведения, а целостность произведения, в свою очередь, гарантирует внутреннее единство образа» [Гей, 1975, с. 42].

Разумеется, образ главного героя русской классической литературы с годами менялся и стал своеобразным и субъективным зеркалом людей определенной эпохи. В представленной нами статье мы попытались указать на некоторые факты, повлиявшие на его формирование. Можно сказать, что в рассматриваемый период (приблизительно с 1825 по 1925 г.) все больше ощущается тенденция русских писателей к изображению сокровенных уголков человеческой души. Заметно стремление сказать в вымышленном мире литературы то, что невыразимо в реальном мире. Именно это и привело к появлению сюжетов с глубоким смыслом, который довольно трудно интерпретировать без определенных знаний литературы, истории и биографии данного писателя. Важным моментом в формировании главного героя, как и в литературной жизни начала 20-х гг. XX в. в целом, явилось разделение русской литературы на отечественную и эмигрантскую. Когда стало очевидно, что «конечной целью Пролеткульта было де-факто упразднение писательства и овладение литературной деятельностью рабочим классом» [Пешкова, 2012, с. 30], русские писатели (и деятели культуры, науки, искусства), которые не приняли советской власти, решили эмигрировать за пределы России (И. С. Шмелев, И. А. Бунин, Д. С. Мережковский, В. В. Набоков, М. Цветаева

³ Из чешского оригинала: «Praktická realizace ideologických ideálů a představ, které si na jejich základě Uklejkin udělal, vůbec nebyla tak rychlá, jak by si to byl Uklejkin ve své naivitě představoval – nebyli zvoleni „jeho“ delegáti, i po návratu delegátů ze shromáždění byl jeho život a zabezpečení rodiny stále stejně těžký a kýžená lepší budoucnost nenastala» (перевод наш. – А. Р., И. Ц.).

и др.). За рубежом писатели создавали новые литературные центры (особенно в Париже, Берлине и Праге). С ними в дальнейшем связано развитие русской литературы зарубежья, в которой, как утверждает Ю. В. Матвеева, писатели «...попытались сохранить то устройство русского мира, которое могло хоть в какой-то мере заменить потерянную для них и уничтоженную в реальности Россию прошлого» [Матвеева, 2017, с. 6]. О несравнимой разнице во взгляде на мир и на будущее свидетельствуют следующие модели главных героев, появившиеся в обеих ветвях русской литературы, которые стало возможным полноценно сопоставить только с 1990-х гг. в контексте феномена возвращенной литературы.

Список литературы

- Белинский В. Г.* Сочинения Александра Пушкина. М.: Сов. Россия, 1984. 94 с.
- Белинский В. Г.* Избранные философские произведения: В 2 т. М.: Мысль, 1979. Т. 2. 512 с.
- Белый А.* Мастерство Гоголя. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1934. 324 с.
- Вайль П.* Смерть героя // Знамя. 1984. № 11. С. 223–233.
- Гараев Я.* Реализм: искусство и истина. Баку: Элм, 1980. 259 с.
- Гей Н. К.* Художественность литературы. Поэтика. Стилль. М.: Наука, 1975. 472 с.
- Догнал Й.* Маленький человек и его контакт с идеологией у И. Шмелёва // Славица Литтерария (SPFFBU, X). 2008. Т. 11, № 2. С. 63–71.
- Ладыгин М. Б.* Литература: Новый полный справочник для подготовки к ЕГЭ. М.: АСТ, 2018. 350 с.
- Манн Ю. В.* Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996. 474 с.
- Маркович В. М.* Человек в романах И. С. Тургенева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. 152 с.
- Матвеева Ю. В.* Русская литература зарубежья: три волны эмиграции XX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2017. 92 с.
- Пешкова М.* Идея «нового человека» в русской литературе 1920-х и 1930-х годов. Прага: ZČU, 2012. 212 с.
- Синякова Л. Н.* «Лишний человек» в эпоху 1860-х годов: характер главного героя романа А. Ф. Писемского «Взбаламученное море» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2007. Т. 6, № 2. С. 81–90.
- Смирнова М. Ю.* Современная рецепция повести И. С. Шмелева «Гражданин Уклеин» в России и в Восточной Европе // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2. С. 622–626.
- Топоров В. Н.* «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения: К двухсотлетию со дня выхода в свет. М.: РГГУ, 1995. 512 с.
- Тургенев И. С.* Гамлет и Дон Кихот. Братислава: Татран, 1977. 773 с.
- Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1960. Т. 1. 637 с.
- Ханцес Е.* Лишний человек в русской литературе // Спутник по русской литературе. Лондон; Нью-Йорк: Routledge, 2001. С. 111–122.
- Червенияк А.* Ваянский и Тургенев. Братислава: Изд-во SAV, 1968. 193 с.
- Шмелев И. С.* Повести и рассказы. М.: Гослитиздат, 1960. 462 с.

References

Belinskiy V. G. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya: V 2 t.* [Selected philosophical works: In 2 vols.]. Moscow, Mysl', 1979, vol. 2, 512 p.

- Belinskiy V. G. *Sochineniya Aleksandra Pushkina* [The works of Alexander Pushkin]. Moscow, Sov. Rossiya, 1984, 94 p.
- Belyy A. *Masterstvo Gogolya* [Gogol's mastery]. Moscow, Leningrad, Gos. izd. khudozh. lit., 1934, 324 p.
- Chervenyak A. *Vayanskiy i Turgenev* [Vayansky and Turgenev]. Bratislava, Izd. SAV, 1968, 193 p.
- Garaev Ya. *Realizm: iskusstvo i istina* [Realism: art and truth]. Baku, Elm, 1980, 259 p.
- Gey N. K. *Khudozhestvennost' literatury. Poetika. Stil'* [Artistry of literature. Poetics. Style]. Moscow, Nauka, 1975, 472 p.
- Dognal Y. Malen'kiy chelovek i ego kontakt s ideologiyey v I. Shmeleve [The little man and his contact with ideology in I. Shmelev]. *Slavitsa Litterariya (SPFFBU, X)*. 2008, vol. 11, no. 2, pp. 63–71.
- Khantses E. Lishniy chelovek v russkoy literature [The Superfluous Man in Russian Literature]. In: *Sputnik po russkoy literature* [A companion to Russian literature]. London, New York, Routledge, 2001, pp. 111–122.
- Ladygin M. B. *Literatura: novyy polnyy spravochnik dlya podgotovki k EGE* [Literature: a new complete reference book for preparation for the USE]. Moscow, AST, 2018, 350 p.
- Mann Yu. V. *Poetika Gogolya. Variatsii k teme* [Gogol's poetics. Variations to the theme]. Moscow, Coda, 1996, 474 p.
- Markovich V. M. *Chelovek v romanakh I. S. Turgeneva* [Man in the novels of I. S. Turgenev]. Leningrad, LSU, 1975, 152 p.
- Matveeva Yu. V. *Russkaya literatura zarubezh'ya: tri volny emigratsii 20 veka* [Russian literature abroad: three waves of emigration of the 20th century]. Ekaterinburg, Ural. uni., 2017, 92 p.
- Peshkova M. *Ideya "novogo cheloveka" v russkoy literature 1920-kh i 1930-kh godov* [The idea of the "new man" in Russian literature of the 1920s and 1930s]. Praga, ZČU, 2012, 212 p.
- Shmelev I. S. *Povesti i rasskazy* [Novels and stories]. Moscow, Goslitizdat, 1960, 462 p.
- Sinyakova L. N. "Lishniy chelovek" v epokhu 1860-kh godov: kharakter glavnogo geroya romana A. F. Pisemskogo "Vzbalamuchennoe more" ["Superfluous man" in the era of the 1860s: the character of the protagonist of the novel by A. F. Pisemsky "Stirred Sea". F. Pisemsky's The Stirred Sea]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2007, no. 2, pp. 81–90.
- Smirnova M. Yu. Sovremennaya retseptsiya povesti I. S. "Shmeleva Grazhdanin Ukleikin" v Rossii i v Vostochnoy Evrope [Modern reception of the story by I. S. Shmelev "Citizen Ukleikin" in Russia and in Eastern Europe]. *The world of science, culture and education*. 2018. no. 2, pp. 622–626.
- Toporov V. N. "Bednaya Liza" Karamzina. Opyt prochteniya k dvukhsotl'shtiyu so dnya vykhoda v svet ["Poor Liza" by Karamzin. Experience of reading to the bi-centennial of the publication]. Moscow, RSUH, 1995, 512 p.
- Turgenev I. S. *Gamlet i Don Kikhot* [Hamlet and Don Quixote]. Bratislava, Tatra, 1977, 773 p.
- Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 30-i tomakh* [Complete collection of works and letters in 30 volumes]. Moscow, Nauka, 1960.
- Vayl' P. Smert' geroya [Death of a hero]. *Znamya*. 1984. no. 11, pp. 223–233.

Информация об авторах

Антон Репонь, доктор философии, доцент кафедры славянских языков философского факультета Университета им. Матея Бела (Банска Быстрица, Словацкая Республика)

Игорь Цинтула, доктор философии, старший преподаватель кафедры славянских языков философского факультета Университета им. Матея Бела (Банска Быстрица, Словацкая Республика)

Information about the authors

Anton Repoň, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Slavic Languages, Faculty of Arts, Matej Bel University (Banská Bystrica, Slovak Republic)

Igor Cintula, Doctor of Philosophy, Senior Lecturer, Department of Slavic Languages, Faculty of Arts, Matej Bel University (Banská Bystrica, Slovak Republic)

*Статья поступила в редакцию 07.06.2024;
одобрена после рецензирования 25.07.2024; принята к публикации 25.07.2024
The article was submitted on 07.06.2024;
approved after reviewing on 25.07.2024; accepted for publication on 25.07.2024*